

A movie poster for 'The Necromancer' (Russian title: 'Некро-отдел'). The scene is set in a dark, gothic office filled with stacks of papers and shelves. In the center, a young woman with glasses and a grey sweater holds a glowing pink rectangular device. To her left, a goblin-like character with a long nose and a green pointed hat looks on. To her right, a man in a dark coat has a glowing green energy emanating from his hand. The background features a large arched window showing a cityscape with spires, and several skulls in military caps are mounted on the wall. A black office chair is floating in the air on the left. The overall atmosphere is dark and mysterious.

Айрина Лис

**Некро-отдел: Трудовые будни в
конторе по управлению нежитью**

Айрина Лис

Некро-отдел: Трудовые будни в конторе по управлению нежитью

<https://litres.ru/73997658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Ключева — комплаенс-офицер, зануда и перфекционистка. Она проверяет документы и ненавидит хаос. Но однажды её борщ светится зелёным, кастрюля оживает, и Вера проваливается в Упокоище — загробный мир, где бюрократия сильнее смерти.

Здесь души ждут перерождения 300 лет, скелеты бастуют за лаковую справедливость, а корпорация «МортИнвест» продаёт рай в рассрочку с бешеными процентами. Чтобы вернуться домой, Вере нужно устроиться в местный Некро-отдел, подружиться с гниющим эльфом (у него отваливается нос), пережить полтергейста в прачечной, спеть серенаду вампиру с аллергией на носки и заполнить 500 бланков акта о разложении плоти.

Смесь «Офиса» и «Добро пожаловать в Зомбилэнд» с душкой из дыроколом. И да, здесь даже у призрачных крыс есть налоговая декларация.

Содержание

Пролог: Борщ с душком	5
Глава 1: Добро пожаловать в Упокоище, или Ваш стол в углу	23
Глава 2: Первый выезд, или Полтергейст, который просто хотел обнять	44
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Айрина Лис

Некро-отдел: Трудовые будни в конторе по управлению нежитью

Пролог: Борщ с душком

Я всегда считала, что моя жизнь скучна до зевоты. Ну, знаете: квартира с вечно капающим краном, работа в банке, где я проверяю чужие ошибки в документах, кот Василий, который спит 23 часа в сутки, и борщ по вторникам. Борщ — это святое. Мамин рецепт, свёкла с грядки, сметана из магазина напротив. Если бы меня спросили: «Вера, что самое страшное может с тобой случиться?» — я бы ответила: «Просроченный кредитный договор или внеплановая проверка налоговой». Как же я была наивна.

В тот вечер вторник тянулся как жвачка на подошве. Часы на кухне показывали без десяти восемь, за окном моросил осенний дождь, а у меня на плите в кастрюле булькало будущее величие. Я помешивала свёклу длинной деревянной ложкой — той самой, с обгоревшим концом, которую мама обещала выбросить ещё в прошлом году. На плите шипела

сковорода с луком и морковкой. Пахло чесноком, укропом и домом.

— Ну, Василий, — обратилась я к рыжему комку шерсти, который оккупировал стул у батареи. — Сегодня борщ будет огонь. Может, даже добавлю фасоль.

Кот приоткрыл один глаз, посмотрел на меня с выражением глубокого презрения и снова закрыл. Фасоль он не одобрял.

Я подошла к холодильнику, чтобы достать томатную пасту, и тут заметила странность. Свет на кухне моргнул. Один раз. Второй. Лампочка у нас была новая, энергосберегающая, купленная в прошлом месяце после того, как предыдущая лопнула с фейерверком искр прямо надо мной во время мытья посуды. Я тогда чуть инфаркт не получила. Но сейчас... сейчас свет мигал как-то ритмично, будто передавал азбуку Морзе.

— Только не это, — пробормотала я, нашаривая выключатель.

Щёлк. Свет погас.

Тьма на кухне стала густой и вязкой, словно её налили в комнату из ведра. Даже окно, за которым ещё полчаса назад горели фонари, теперь казалось чёрным квадратом. Я моргнула — и в следующую секунду заметила свечение.

Оно исходило от кастрюли.

Борщ светился. Зелёным. Ядовито-зелёным, как те маркеры, которыми моя коллега Оксана выделяла ошибки в от-

чётах. Пузырьки поднимались со дна и лопались на поверхности с тихим хлюпающим звуком, похожим на смех. Я замерла, сжимая ложку так, что побелели костяшки.

— Это галлюцинация, — сказала я вслух, потому что в темноте разговаривать с самой собой было не так страшно. — Я переутомилась. Или съела просроченную сметану. Или...

Я не договорила. Кастрюля дёрнулась. Не закипела — нет, она именно дёрнулась, как живая, и сделала маленький шагок в мою сторону. По плитке проскрежетали её ножки.

— Не надо, — прошептала я.

Кастрюля сделала второй шаг. Крышка на ней приподнялась, и из-под неё повалил не пар, а густой туман цвета гнилой зелени. Внутри что-то заурчало — низко, угрожающе, как трактор на холодном пуске.

Я попятилась. Спиной упёрлась в холодильник. Сердце колотилось где-то в горле, и я отчётливо поняла: сейчас произойдёт что-то очень, очень неправильное. Моё внутреннее «я» — та его часть, которая отвечала за порядок и регламенты — вопила: «Закрой крышку! Выключи плиту! Позвони в ЖЭК!» Но ноги не слушались.

Кастрюля взвыла.

Это был звук, который невозможно забыть. Смесь сирены воздушной тревоги, кошачьего вопля и скрипа мела по школьной доске. Я зажала уши руками, но вой проник сквозь пальцы, проник в голову, проник в самые глубокие извили-

ны. Закрыла глаза — и почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Падение было долгим. Очень долгим.

Я не летела вниз — я проваливалась сквозь что-то мягкое и липкое, как сквозь гигантский пудинг. Вокруг мелькали тени, цифры, обрывки бумаг. Кто-то кричал: «Подпись недействительна!» — и голос звучал обиженно. Где-то слева проплыл мой прошлогодний налоговый отчёт, и он показал мне язык. Бумажный язык, но всё равно неприятно.

— Я сплю, — сказала я себе, кувыряясь в этом вязком потоке. — Я просто сплю. Борщ был с грибами. Грибы могли быть ядовитыми.

В ответ из темноты донёлся смех. Не злой, нет — скорее усталый, как у кассирши в супермаркете в предпраздничный день.

А потом я приземлилась.

Удар вышел мягче, чем я ожидала. Подо мной хлюпнуло. Я открыла глаза и увидела небо. Серое, как старая простыня, и без единого просвета. Вместо солнца — бледное пятно, похожее на синяк, которое пульсировало в такт моему сердцебиению.

Я сидела в луже. Но не в водяной. В луже из бумаг. Измятые, мокрые, исписанные мелким бисерным почерком листы покрывали всё вокруг, насколько хватало глаз. Я подняла один — сверху было напечатано: «Акт о приёме-передаче души № 8745/Б». Ниже — штамп, размазанный, но чита-

емый: «Не подлежит возврату».

— Вот это сервис, — сказала я хрипло.

Попыталась встать. Ноги держались сносно, хотя левая ступня почему-то промокла насквозь. Я огляделась. Место, куда я попала, напоминало заброшенный вокзал. Огромное помещение? Нет, не помещение — пещера? Стены из серого камня, с которых капала чёрная жидкость. Вместо ламп — летающие черепа. Да, вы не ослышались. Черепа. Они парили под потолком и время от времени щёлкали зубами, словно переговаривались. У одного из них на макушке сидела маленькая шляпка — таблетка, как у британских полицейских.

— Добро пожаловать в Зал прибытия, — раздался голос за моей спиной.

Я обернулась. И пожалела.

Передо мной стоял скелет. Не голливудский пластиковый манекен из магазина хэллоуинских украшений — настоящий. Кости желтоватые, с тёмными пятнами, кое-где обмотанные лентами с надписями «Сделано в Упокоище». На скелете была треуголка, из-под которой торчали пучки сухой травы. В руках он держал табличку, а на шее — бейдж с фотографией (на фото был изображён другой скелет, более улыбчивый).

— Инспектор Склизз, — представился скелет, постучав себя костяшкой по груди. Звук получился как игра на ксилофоне. — Ваши документы, пожалуйста.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Вы... вы скелет, — сказала я наконец.

— Замечательная наблюдательность, — голос у скелета оказался скрипучим, как несмазанная дверь, но с оттенком вежливости. — И да, и нет. Я бы предпочёл термин «постоянный сотрудник с преимущественно минеральным составом тела». Но для краткости — да, скелет. Ваши документы?

— У меня нет документов. Я... я варила борщ!

— Борщ, — скелет задумался. Это было странное зрелище: его челюсть слегка отвисла, и мне показалось, что сейчас он выронит нижние зубы. — Борщ не является документом, удостоверяющим личность. Пожалуйста, предъявите справку об отсутствии живой ауры, формуляр 3-Ж, или заполните заявление о временном пребывании.

Я медленно поднесла руку к лицу. Пальцы были тёплыми. Я ущипнула себя за щёку — больно.

— Я живая, — сказала я твёрдо. — Живая! Вся! С пульсом и дыханием! Я не должна здесь находиться!

Скелет — инспектор Склизз — тяжело вздохнул. Точнее, издал звук, похожий на вздох. Его рёбра колыхнулись.

— Живые, мёртвые, — устало произнёс он. — Все хотят особого отношения. У нас тут очередь из душ, которые ждут перерождения 300 лет, а вы — «я живая, я не должна». Должна, милочка, должна, раз вы здесь. Или вы сами провалились, или вас кто-то пригласил. В любом случае, без справки я вас не пропущу.

— Куда не пропустите? — я начала злиться. Злость была

привычной, почти уютной. В банке я злилась каждый день, когда видела, как клиенты заполняют графу «сумма» в разделе «подпись». — Мне нужно обратно! На кухню! К борщу и коту!

— Обратно — это в живой мир, — скелет указал костяным пальцем куда-то вверх. — Туда ведёт портал. Но чтобы им воспользоваться, нужна виза, разрешение на вылет, справка об отсутствии заразных болезней и подпись Графа. А чтобы получить подпись Графа, нужно устроиться на работу. А чтобы устроиться на работу, нужно заполнить контракт. А чтобы заполнить контракт... в общем, вы поняли.

— Это абсурд, — выдохнула я.

— Это бюрократия, — поправил меня скелет. — Абсурд — это когда вы пытаетесь доказать, что живы, а у вас из уха лезут формуляры. Кстати, у вас из уха ничего не лезет?

Я машинально потрогала ухо. Чисто.

— Не лезет.

— Жаль, было бы забавно. Ну что, будете справку оформлять или как? У меня перерыв через два часа, а за это время нужно обработать ещё семерых новоприбывших.

Я оглянулась по сторонам. Вокруг действительно появились другие фигуры — полупрозрачные, шатающиеся, похожие на людей, но словно выцветшие. Души, наверное. Они толпились у стойки из грубо обтёсанного камня, где другой скелет (в панаме) что-то печатал на пишущей машинке, которая дымилась.

Одна из душ — мужчина в помятом пиджаке — повернулась ко мне и прошептала:

— Не подписывай ничего, пока не прочитаешь мелкий шрифт. Я тут три дня пытаюсь расторгнуть договор на «услуги по успокоению». У них в пункте 14 написано, что после подписи ты соглашаешься на то, что твоя левая пятка переходит в собственность компании.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Спасибо за совет, — сказала я.

— Не за что, — душа вздохнула и растворилась в воздухе, оставив после себя запах старого одеколона.

Склизз нетерпеливо постучал пальцами по своей табличке. Кости издавали сухой, мерный стук.

— Итак? — спросил он.

— Я хочу поговорить с вашим начальником, — сказала я, скрестив руки на груди. Старая тактика: когда не знаешь, что делать, требуй начальника.

— Моя начальница — мадам Склиззи, — ответил скелет. — Она занята. Подписывает акты о распаде плоти. Если вы будете настаивать, она придёт, но... — он понизил голос до шёпота, от которого его череп затрясся, — она не очень любит живых. Говорит, от них пахнет надеждой, а у неё аллергия.

— У начальницы аллергия на надежду? — я невольно усмехнулась. Абсурд переходил в фарс.

— А вы как думали? Это Упокоище, деточка. Здесь даже

смех записывают в расходы.

Я уже открыла рот, чтобы выдать новую порцию возмущения, как вдруг из-за стойки вывалилось нечто. Сначала я подумала — груда тряпок. Потом — оживший компост. А потом до меня дошло, что это существо было когда-то эльфом. Высокий, худой, с заострёнными ушами — ну, с одним заострённым ухом, второе отвалилось и болталось на ниточке. Кожа его имела цвет увядшего салата, а кое-где сквозь неё проглядывали кости. Он нёс в руках стопку бумаг, перевязанных гнилой верёвкой, и при этом постоянно спотыкался, потому что... у него отсутствовала левая ступня.

— Гнуссик! — рявкнул Склизз. — Я же говорил тебе не выходить в зал без полной комплектации! Где твоя ступня?

Эльф — Гнуссик — виновато оглянулся. Из дыры в его животе выпал карандаш.

— Я... я потерял, — прошептал он голосом, похожим на шуршание сухих листьев. — Когда бежал к архиву, она застряла в вентиляции. Но я принёс документы! Контракты для новенькой!

Он посмотрел на меня. Его глаза — мутные, жёлтые — вдруг загорелись чем-то вроде восторга.

— О! — воскликнул он. — Живая! Настоящая живая! Я слышал о таких, но никогда не видел. А можно я потрогаю?

— Нет, — сказала я твёрдо.

— Тогда можно я понюхаю? Издалека? Вы пахнете... завтраком. И солнцем. И... жизнью. — Последнее слово он вы-

дохнул с такой тоской, что мне стало почти жаль его. Почти.

— Ни трогать, ни нюхать. Я не экспонат.

Гнуссик вздохнул, и одна из его рёберных костей хрустнула.

— Всегда так, — пожаловался он Склиззу. — Живые — они гордые. А мы тут для них контракты оформляем, справки выбиваем, а они нос воротят.

— Контракты? — переспросила я, чувствуя недоброе.

— Ну да, — Гнуссик протянул мне верхний лист из своей стопки. — Трудовой договор с Некро-отделом. Должность — младший инспектор по работе с неуспокоенными душами. Испытательный срок — вечность. Зарплата — вонючая полёбка дважды в день и служебный склеп. Льготы: бесплатные бинты (первые три метра) и скидка на погребальный инвентарь в магазине «Гроб и Компания».

Я взяла лист. Написан он был кровью. То есть, судя по запаху и цвету, явно кровью. Но чернила закончились на половине страницы, и остаток дописывали красным маркером, который размазался.

— Это шутка? — спросила я.

— В Упокоище шутки не смешные, — ответил Склизз. — Согласно параграфу 7, юмор подлежит лицензированию. Так что нет, не шутка. Либо вы подписываете контракт, либо вы отправляетесь в зал ожидания, где будете сидеть вместе с теми душами, которые ждут уже 300 лет. Там, кстати, нет розеток, Wi-Fi не ловит, а единственное развлечение —

смотреть, как отслаивается краска на стенах.

Я перевела взгляд с контракта на скелета, потом на эльфа без ступни. Мой мозг, привыкший к чётким инструкциям и понятным регламентам, отказывался обрабатывать информацию. «Вера, — сказала я себе, — ты либо спутала рецепт борща с галлюциногенными грибами, либо действительно попала в загробный мир, где тебе предлагают работу мечты — нянчиться с мертвецами».

— У вас есть ручка? — спросила я тихо.

Гнуссик просиял. Точнее, часть его лица, которая ещё могла сиять, сделала это с энтузиазмом.

— Конечно! — Он полез в карман своих штанов (с дырами), вытащил оттуда ржавую скрепку, высохшего жука и, наконец, обломок карандаша. — Вот! Правда, грифель сломан, и одна сторона погрызена... но я уверен, если нажимать посильнее, то...

— Дайте сюда, — вздохнула я.

Я не собиралась подписывать контракт. Я собиралась сделать вид, что читаю его, а потом найти выход. Но пока я пробегала глазами по строчкам, написанным корявым почерком, мне бросились в глаза странные детали.

Пункт 13: «Сотрудник соглашается на то, что его личные вещи могут быть изъяты для нужд отдела без предварительного уведомления». Пункт 27: «В случае гибели сотрудника (смерть, полное разложение, превращение в привидение) трудовой договор не расторгается, а переходит к ближайше-

му родственнику». Пункт 42: «Сотрудник обязан не реже раза в месяц участвовать в корпоративных мероприятиях, включая, но не ограничиваясь: соревнования по поеданию мозгов (вегетарианская опция — тофу-мозги), ночные бдения на кладбище и конкурс на самый громкий скрип».

— Это... это бред, — сказала я.

— Это стандартный контракт, — обиделся Гнуссик. — У нас даже профсоюз есть. Правда, он состоит из одного скелета, который забыл, где лежит его голова.

Склизз кашлянул (звук был похож на треск сухой ветки).

— Время идёт, милочка. Через десять минут Зал прибытия закроется на технический перерыв, и вас выселят в коридор. А в коридоре водятся крысы. Призрачные крысы. Они кусаются и после укуса ты начинаешь цитировать налоговый кодекс на древнегреческом.

— Ну хотя бы на древнегреческом, — буркнула я. — Я латынь учила.

— О, тогда вам повезёт, — вставил Гнуссик. — Там ещё есть крысы, которые кусают на латыни. Но они редко встречаются.

Я снова посмотрела на контракт. Потом на табличку Склизза, потом на летающие черепа под потолком, один из которых чихнул и рассыпался на кости. Кости упали на пол и начали собираться обратно самостоятельно, при этом одна из них убежала куда-то в сторону.

— А если я откажусь? — спросила я.

— Тогда вы станете нелегалом, — объяснил Склизз. — Нелегалов ловят и отправляют в Утилизатор. Утилизатор — это большая печь, где перерабатывают всё, что не имеет документов. На выходе — кирпичи. Из вас сделают кирпичи, милочка.

— Красивые кирпичи, — мечтательно добавил Гнуссик. — С узорами.

Я представила себя кирпичом. С узорами. И почему-то эта перспектива показалась мне обиднее, чем работа в непонятном отделе.

— Ладно, — сказала я, сдаваясь. — Где подписать?

Гнуссик протянул мне карандаш. Я взяла его, но карандаш был настолько тупым, что на бумаге оставалась едва заметная серая полоска.

— Не пишет, — констатировала я.

— О, это проблема, — Склизз почесал затылок костяшкой. — У нас шариковые ручки запрещены — они текут и пачкают души. А чернила для перьевых — только на крови. Но доноров сейчас нет.

— У меня есть расчёска, — вдруг вспомнила я. Я сунула руку в карман джинсов (каким чудом они уцелели при падении?) и вытащила обычную пластиковую расчёску, розовую, с парой сломанных зубцов. — Она может сойти за ручку?

Гнуссик и Склизз переглянулись. Эльф пожал плечами (плечо хрустнуло и едва не отвалилось).

— В Упокоище нет инструкции на этот счёт, — признал

инспектор. — Значит, можно. Правила, которые не запрещены — разрешены. Это наш главный принцип. Подписывайте расчёской.

Я окунула расчёску... во что? Чернил не было. Но Гнусик услужливо поднёс к ней свою руку, из которой капала какая-то тёмная жидкость.

— Не надо, — сказала я брезгливо. — Я попробую иначе.

Я взяла контракт и расчёску и просто провела зубцами по строке «Подпись сотрудника». К моему изумлению, на бумаге остался чёткий розовый след — точь-в-точь цвет моей расчёски. Бумага будто впитала её пигмент.

— Неожиданно, — прокомментировал Склизз.

— Очень стильно, — добавил Гнусик. — Я бы тоже подписался расчёской, но у меня нет волос, чтобы её использовать.

Контракт вспыхнул. Буквально. Полыхнул зелёным пламенем, и через секунду от него осталась лишь горстка пепла, которая аккуратно сложилась в папку с надписью «Личное дело № 4721-В».

И в тот же миг я почувствовала, как что-то изменилось. Внутри меня. Словно невидимая нить протянулась от моего сердца куда-то вглубь этого мира — вниз, под землю, в самые тёмные его закоулки.

— Поздравляю, — сказал Склизз. Теперь его голос звучал почти тепло (насколько может звучать тепло, когда у тебя нет горла). — Вы младший инспектор Некро-отдела. Ваш

рабочий день начинается... прямо сейчас. Гнуссик, покажи новенькой её стол.

— А как же мой борщ? — спросила я, всё ещё не веря до конца. — Как же кот? Как же...

— Потом, — отрезал инспектор. — Всё потом. Сначала работа. Ваше первое задание — заполнить 300 бланков «Акт о разложении плоти № 7» за три часа. Если не успеете — будете уволены и отправлены в Утилизатор. Если успеете — получите право на обед. Удачи.

Он развернулся и зашагал прочь, кости его позвоночника позвякивали, как дешёвые бусы.

Я осталась стоять посреди Зала прибытия, с Гнуссиком, который радостно подпрыгивал на одной ноге (второй по-прежнему не было), и с ощущением, что только что подписала договор с дьяволом. Причём пункт о душе был, кажется, в самом низу, написанный очень мелким шрифтом.

— Не переживайте, — сказал эльф, заметив моё лицо. — Все новенькие сначала паникуют. А потом привыкают. Хотя некоторые предпочитают сразу в Утилизатор. Но вы, я чувствую, крепкая. Живая энергия в вас бьёт ключом.

— Ключом? — переспросила я.

— Ну да. Слышите? — Он наклонил голову. — Там, внутри. Булькает.

Я прислушалась. В животе и правда что-то булькало. Но это был не борщ. Это была злость. Чистая, холодная, канцелярская злость человека, который привык всё контролиро-

вать, но оказался в полной заднице без карты и компаса.

— Гнуссик, — сказала я тихо. — Где ваш отдел?

— О, пойдёмте! — Он заковылял вперёд, волоча по полу обрубок ноги. — Я покажу вам ваш стол! Он в углу, рядом с мухоловом. Мухолов — он добрый, только если не кормить его три дня, он начинает есть формуляры. А если кормить — он ест формуляры с большим аппетитом. В общем, он всегда ест формуляры.

Мы вышли из Зала прибытия через арку, на которой висела табличка: «Добро пожаловать в Упокоище. Часы работы: никогда. Администрация не несёт ответственности за вашу бессмертную душу». Я оглянулась назад — последний раз увидела серое небо, пульсирующее пятно «Гнойника» и очередь из душ, которые терпеливо ждали своего перерождения.

Одна из душ, старушка с авоськой, помахала мне рукой и прошептала: «Удачи, милая. Ты ещё легко отделалась. Я вот уже 150 лет тут, и мне до сих пор не сказали, какой номерок мой».

Я отвернулась и сделала шаг в темноту коридора. Внутри меня булькала злость, но где-то глубоко, под ней, зарождалось другое чувство. Азарт. Я, Вера Клюева, компаенс-офицер, зануда и перфекционист, только что стала младшим инспектором по работе с неуспокоенными душами.

И я не собиралась проигрывать. Даже если для этого придётся перезаполнить все 300 бланков, пережить нападение

призрачных крыс и научиться терпеть запах Гнуссика, который, кстати, напоминал смесь старого носка и забытого в холодильнике супа.

— Итак, — сказала я, шагая в неизвестность. — Где тут у вас архив с правилами? Мне нужно срочно найти лазейку, чтобы выбраться отсюда.

Гнуссик обернулся, его болтающееся ухо чуть не оторвалось.

— Правила? О, их 12 000 томов. Вы хотите прочитать все?

— Я хочу найти ту самую страницу, где написано, как живому сотруднику получить обратный билет, — ответила я. — И если её нет, я её напишу сама.

— Вы мне нравитесь, — сказал эльф и икнул. Из икоты вылетела маленькая зелёная муха.

Мы свернули за угол, и свет от черепов погас. Осталась только тьма и звук моих шагов по бумажному полу. Где-то далеко завывала сирена — то ли конец смены, то ли начало апокалипсиса. В Упокоище это, кажется, было одно и то же.

Я сделала глубокий вдох. Пахло плесенью, пылью и почему-то жареным луком. И ни капли борща.

— Добро пожаловать в ад, — прошептала я себе под нос. — По крайней мере, здесь есть своя бюрократия. А с бюрократией я справлюсь.

И в этот момент вдалеке, в конце коридора, я заметила два красных огонька. Они моргнули. Потом приблизились. Кто-то — или что-то — бежало прямо на нас.

— Гнуссик, — сказала я спокойно, насколько могла. —
Что это?

Эльф прищурился.

— А, не волнуйтесь, — махнул он рукой (рука отлетела и пришлось ловить её на лету). — Это просто ваш стол. Он иногда сам приходит, когда его зовут.

— Мой стол бегаёт?

— И кусается. Но только если вы не покормили его формулярами.

Я закрыла глаза. Открыла. Красные огоньки были уже в трёх метрах. Я различила очертания — письменный стол на четырёх ножках, с выдвижными ящиками, которые клацали как зубы. На столе стояла табличка с моим именем, написанным кровью: «Вера Клюева, младший инспектор».

Стол радостно тявкнул.

— Ладно, — сказала я. — Поработаем.

И я шагнула навстречу своему новому, безумному, пахнущему луком и отчаянием будущему.

Глава 1: Добро пожаловать в Упокоище, или Ваш стол в углу

Красные огоньки приближались. Я успела заметить, что у моего нового стола были не только ножки и ящики, но и вполне себе зубастый выдвижной пенал. Он лязгнул, когда стол остановился прямо передо мной, виляя столешницей, как собака хвостом.

— Хороший стол, — прошептал Гнуссик, протягивая руку, чтобы погладить его по углу. — Тихий, послушный. Только иногда ест формуляры. Но вы не переживайте, если будете кормить его просроченными бланками, он станет вашим верным другом.

— Моим верным другом стал оживший предмет мебели, — сказала я с таким выражением, будто сообщала о погоде. — Всё идёт по плану.

На столе, поверх таблички с моим именем, лежала стопка бумаг. Я присмотрелась — сверху был бланк «Акт о разложении плоти № 7», тот самый, 300 штук за три часа. И подпись Графа, и все дела. Я вздохнула. В моём прежнем мире максимальное количество бланков, которые я заполняла за смену, — 40. И то после них у меня сводило пальцы и хотелось выть. А тут — 300. За три часа.

— Гнуссик, — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал

спокойно. — А где тут у вас туалет? И где я могу найти кофе? Или чай? Или что-нибудь, что заменит мне нормальный допинг?

Эльф задумался. Его болтающееся ухо качнулось, и из него выпал сухой лист.

— Туалет — в конце коридора, направо, потом налево, потом в люк. Но учтите, унитаз кусается, если не бросить в него монетку. А кофе... — он почесал затылок, и из-под ногтей посыпалась труха. — У нас есть кипяток из эктопарогенератора и растворимая субстанция, которую мы называем «кофе». Но она может вызвать галлюцинации. Впрочем, в Упокоище галлюцинации — это норма, так что пейте на здоровье.

— Я, пожалуй, воздержусь, — сказала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Не от запаха — от осознания, что мой новый рабочий день только начался, а я уже хочу домой.

Мы пошли по коридору. Стены здесь были сложены из старых надгробных плит, кое-где покрытых плесенью, которая светилась в темноте бледно-зелёным. Вместо ламп — уже знакомые летающие черепа, но здесь они были поменьше и, кажется, более злые. Один из них чихнул, и из его глазницы вылетела искра.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой Гнуссик. — Это наши «энергосберегающие». У них аллергия на живых. Как только вы пройдёте, они успокоятся.

Череп действительно злобно щёлкнул зубами, но я прошла мимо, стараясь не смотреть на него. В конце коридора была дверь. Точнее, не дверь, а тяжёлая занавеска из гнилой парчи, на которой висела табличка: «Некро-отдел. Вход только по пропускам. Нарушители будут переработаны в мастику».

Гнуссик отодвинул занавеску, и я вошла.

Офис оказался именно таким, как я себе представляла после описания Склизза. Огромное помещение, своды которого терялись в темноте. Вместо колонн — сложенные друг на друга гробы, скреплённые паутиной, которая блестела серебром в свете черепов. Столы — надгробные плиты, на каждой из которых стояла чернильница из черепа и перьевая ручка с высохшим пером. Стулья — катафалки. Да, самые настоящие катафалки, только маленькие, на колёсиках. За некоторыми из них сидели... существа.

Я насчитала около десятка. Скелеты в пыльных пиджаках, призраки в очках без стёкол, один очень старый зомби с отваливающейся челюстью, который что-то бормотал себе под нос и тыкал пальцем в бумагу. Все они подняли головы, когда я вошла, и уставились на меня.

— Живая, — прошелестел призрак. — Настоящая живая.

— Давно не было живых, — прогудел скелет с золотым зубом. — Аж любопытно, как она здесь окажется.

— Тихо! — раздался голос из-за огромного стола в дальнем конце зала.

За столом, который был сделан из цельного саркофага, сидела мадам Склиззи. Я узнала её по описанию Склизза. Полуразложившаяся леди викторианских кровей в корсете из паутины. Её лицо было белым, как мел, с одной стороны щека отваливалась и держалась на ниточке. Вместо волос — пучки сухой травы, заколотые гребнем из берцовой кости. Она уставилась на меня мутными глазами, и мне показалось, что они немного светятся красным.

— Так-так, — протянула мадам Склиззи, откладывая перо. — Новая сотрудница. Вера Ключева, комплаенс-офицер из банка. Какой ужас.

— Здравствуйте, — сказала я, стараясь говорить вежливо. Потому что когда начальник — разлагающаяся леди, лучше не рисковать.

— Здравствуйте, — передразнила она меня тонким голосом и закашлялась. Из её рта вылетел мотылёк. — Вы хоть понимаете, куда попали, деточка? Это вам не кредитные договоры подписывать. Здесь каждый неправильно заполненный бланк может взорваться. Или призвать демона. Или, что хуже, вызвать внеплановую проверку из Департамента Загробных Дел.

— Я поняла, — ответила я. — Мне уже объяснили.

— Объяснили? — она усмехнулась, и часть её губ отвалилась. Губа упала на стол, и один из скелетов услужливо подал её обратно. — Вам никто ничего не объяснил. Вы ещё не видели, что такое настоящая бюрократия смерти. Но ничего,

увидите. Гнуссик, покажи ей её стол. И выдайте «Памятку сотрудника».

Гнуссик кивнул и подвёл меня к углу зала. Там, возле огромного жужжащего насекомого, которое оказалось мухоловом — здоровенной мухой с телом из металлической сетки, — стоял мой стол. Тот самый, бегающий. Теперь он замер и тихонько постукивал ножкой об пол, словно ждал.

— Садитесь, — сказал Гнуссик, указывая на катафалк.

Я села. Катафалк оказался неожиданно удобным. Спинка мягкая, подлокотники из бархата. Видимо, у мертвецов есть чувство комфорта.

Мухолов сбоку жужжал и пережёвывал какие-то бумаги. От него пахло формалином и жареными червями. Я постаралась не дышать носом.

— Вот, — Гнуссик положил передо мной толстенную книгу. — «Памятка сотрудника Некро-отдела». Всего 1200 страниц. Вам нужно прочитать её до конца рабочего дня. Иначе — штраф.

— Штраф? — переспросила я.

— Да, 50 засохших слизей. Но вы пока не заработали, так что если не прочитаете — пойдёте в долговую яму.

Я открыла памятку. Первая страница: «Поздравляем вас с поступлением на службу в Некро-отдел! Помните: мертвецы тоже имеют права. Особенно на правильное заполнение формуляров. Нарушение регламента карается вечными муками совести (если она у вас есть)».

— Весело, — сказала я.

— О, вы ещё не видели наших корпоративов, — Гнуссик мечтательно закатил глаза. — В прошлом году мы устроили конкурс на самый громкий скрип. Я занял второе место, но у меня отвалилась голова.

Я не стала уточнять, кто занял первое.

В этот момент в офис влетел парень. Ну, «влетел» — громко сказано. Он скорее ввалился, споткнувшись о порог, и растянулся на полу. Это был молодой некромант в чёрном плаще, который, несмотря на серьёзный цвет, был расшит блёстками, как новогодняя ёлка. Под плащом виднелась футболка с надписью «The Walking Dad» и стрелкой, указывающей на сердце. Лицо его было бледным, с зелёными румянами, а волосы торчали в разные стороны, будто он только что встал с гроба.

— Морт! — рявкнула мадам Склиззи. — Сколько раз тебе говорить, не носи этот ужасный плащ! Ты пугаешь клиентов!

— Но, мадам, — парень — Морт — поднялся, отряхиваясь. — Блёстки — это для маскировки! В темноте они отражают свет черепов и меня не видно!

— Тебя видно даже в полной тьме, потому что от тебя воняет дохлыми мотыльками за версту! — отрезала начальница.

Морт покраснел. Некроманты, как я поняла, краснели зелёным. Его щёки стали цвета гнилого салата.

— Простите, — пробормотал он и, заметив меня, замер.

— О! А это кто?

— Новая сотрудница, — сказал Гнуссик. — Вера. Живая. Морт уставился на меня, и его глаза расширились. Он сделал шаг вперёд, потом остановился, потом снова шагнул.

— Живая? — переспросил он шёпотом. — Настоящая? Вы дышите?

— Да, дышу, — ответила я. — И, пожалуйста, не подходите близко. Вы пахнете... чем?

— Мотыльками, — виновато произнёс Морт. — Это от заклинаний. Я пытался вызвать дух бабочки, но что-то пошло не так.

— Всё всегда идёт не так, — добавил Гнуссик. — В прошлый раз он хотел оживить цветок, а оживил кактус, который начал плевать иглами.

— Но я учусь! — Морт обиженно надул губы. — И вообще, Вера, я хочу сказать, что вы... вы очень красивая. Для живой.

Я не знала, как реагировать на комплимент от парня в плаще с блёстками, который пахнетдохлыми насекомыми. Поэтому просто сказала:

— Спасибо. А вы — очень зелёный.

Морт смутился ещё сильнее и чихнул. Из его рукава вылетела стаядохлых мотыльков. Они рассыпались по моему столу, и мухолов радостно их сожрал.

— Извините! — Морт попытался собрать мотыльков, но они рассыпались в пыль.

— Ничего, — вздохнула я. — У нас в банке тоже случались... инциденты. Например, однажды клиент пролил кофе на кредитный договор, и мы три дня расшифровывали пятна.

— О! — Морт оживился. — А у нас был случай, когда один скелет неправильно заполнил формуляр и взорвался. Кости летели по всему отделу. Мы потом три дня собирали его по кусочкам.

— Увлекательно, — сказала я.

Гнуссик тем временем принёс стопку бланков. Высотой она была мне по пояс.

— Ваше первое задание, — объявил он. — 300 штук «Акта о разложении плоти № 7». Заполнить за три часа. Если опоздаете — утилизатор. Если сделаете ошибку — утилизатор. Если у вас сломается ручка — утилизатор.

— А если я всё сделаю правильно? — спросила я, беря первый бланк.

— Тогда получите право на обед, — ответил Гнуссик. — И, возможно, на небольшую похвалу от мадам Склиззи.

— Мечта идиота, — буркнула я.

Я достала свои очки для чтения. В обычной жизни я носила линзы, но для работы с мелкими бумажками использовала очки в тонкой металлической оправе. Они придавали мне вид строгой учительницы, что иногда помогало в разговорах с клиентами.

Очки были единственной вещью, которая уцелела при па-

дении в кастрюлю. Я надела их, и мир вокруг стал чётче. Теперь я видела не только магические символы на бланках, но и мелкий шрифт внизу.

«Акт о разложении плоти № 7» состоял из 42 пунктов. Каждый пункт требовал указать имя умершего, дату смерти, степень разложения по шкале от 1 до 10, наличие запаха, цвет кожи, количество отвалившихся конечностей и ещё кучу параметров, которые я даже не могла представить.

Я взяла перьевую ручку. Перо было старым, ржавым, чернила в чернильнице пахли серой. Но писать можно было.

Первый бланк. Имя: Гнуссик Гнус-усердный. Я подняла глаза.

— Гнуссик, ты умер?

— Да, — он грустно кивнул. — Уже 147 лет.

— А почему ты до сих пор на работе?

— Потому что меня не увольняют. И не берут в рай. Не хватает справки о благонадёжности.

Я вздохнула и начала заполнять. Степень разложения: 7. Запах: средний (лук, старость, безнадёга). Количество отвалившихся конечностей: 2 (левая ступня — потеряна, правая рука — иногда откручивается ради шутки).

— Гнуссик, у тебя рука сейчас на месте?

Он поднял руку. Она болталась, как тряпка.

— Почти.

Я поставила галочку: «Конечности: нестабильны».

Второй бланк. Третий. Четвёртый.

Я заполняла их с такой скоростью, что перо свистело в воздухе. Гнуссик смотрел на меня с благоговением.

— Вы как машина! — восхитился он. — Живая машина!

— Это называется «профессионализм», — ответила я, не отрываясь. — В банке я заполняла по 40 договоров в час. А тут всего лишь 300 за три часа. Лёгкая прогулка.

Морт подошёл поближе и заглянул через плечо.

— А можно я помогу? — спросил он.

— Нет, — сказала я.

— Пожалуйста? Я умею заполнять. Я даже изучал магическую каллиграфию.

— Ты изучал то, от чего взрываются формуляры, — заметил Гнуссик. — Помнишь, как ты пытался помочь мне с «Заявлением о починке ребра»?

— Это была случайность! — воскликнул Морт. — Я просто перепутал чернила!

— Ты перепутал чернила с кислотой, — сухо сказала я. — Спасибо, я сама.

Но Морт не унимался. Он взял один бланк и начал что-то писать своей ручкой. Я не успела остановить его, как вдруг бумага задымилась.

— О нет, — прошептал Морт.

— Выкинь его! — крикнула я.

Морт швырнул бланк на пол. Тот вспыхнул зелёным пламенем и рассыпался в пепел. Мухолов радостно проглотил пепел.

— Я же говорил, — вздохнул Гнуссик.

Мадам Склиззи, наблюдавшая за нами из своего кабинета, покачала головой и что-то записала в блокнот. Я не сомневалась: это был минус к моей зарплате.

— Морт, отойди от стола, — сказала я ледяным тоном. — И больше никогда не прикасайся к моим бланкам.

— Но я хотел помочь, — обиженно протянул некромант.

— Поможешь — принеси мне чаю. Без галлюциногенов.

Морт обрадовался и убежал.

Гнуссик тем временем помогал мне сортировать бланки по алфавиту. Я быстро поняла, что в Упокоище нет системы. Имена были записаны как попало: кто-то по фамилии, кто-то по дате смерти, кто-то по первой букве названия болезни. Я начала наводить порядок.

— Слушай, Гнуссик, — спросила я, раскладывая бланки на стопки. — А почему у вас такой бардак в документах?

— Потому что у нас нет нормального архивариуса, — ответил эльф. — Последний умер сто лет назад, а нового не наняли. Покойники не любят сидеть на одном месте.

— Умер? Но вы же все... мёртвые.

— Это была вторая смерть. От скуки. Он заполнял формуляры 50 лет подряд, а потом просто взял и растворился.

Я представила себе эту картину. Мурашки пробежали по спине.

— Ладно, — сказала я. — Сегодня я наведу порядок хотя бы в этих 300 бланках.

Я работала как одержимая. Часы в офисе тикали — я заметила, что их стрелки двигались против часовой стрелки, — но я не обращала внимания. Рука болела, глаза слезились, но я не могла остановиться. Это был азарт. Тот самый, который заставлял меня сидеть до полуночи в банке, чтобы довести отчёт до идеала.

Гнуссик стоял рядом и подавал мне новые бланки.

— Вы невероятны, — прошептал он. — Никто никогда не работал так быстро.

— Потому что все здесь — мертвецы, — ответила я. — У вас нет чувства времени. А у меня есть. И я хочу вернуться домой к борщу.

— А вы правда верите, что вернётесь? — спросил эльф, и в его голосе прозвучала грусть.

Я подняла голову. Гнуссик смотрел на меня своими мутными жёлтыми глазами, и я увидела в них тоску. Он был мёртв уже 147 лет, и, наверное, никто никогда не говорил ему, что он может отсюда выбраться.

— Верю, — сказала я твёрдо. — И ты тоже сможешь. Просто нужно правильно заполнить все бумаги.

— У меня даже левой ступни нет, — вздохнул он.

— Ступню пришьём. Или найдём новую.

Гнуссик улыбнулся — странная улыбка для существа, у которого отваливается нос. Но я почувствовала, что ему стало легче.

Вернулся Морт с чашкой тёмной жидкости. Она дымилась

и издавала запах горелых носков.

— Вот, — сказал он гордо. — Чай. С мятой.

— Это пахнет не мятой.

— А, да, я немного добавил туда своей магии. Для бодрости.

— Вылей, — сказала я.

Но Морт уже поставил чашку на стол. Жидкость зашипела, и из неё вылетело несколько призрачных пузырей, которые лопнули с тихим «привет». Я поспешно отодвинула чашку подальше.

— Морт, ты идиот, — констатировал Гнуссик.

— Я старался, — обиделся некромант.

В этот момент мадам Склиззи встала из-за своего саркофага и направилась ко мне. Её корсет скрипел, паутина на нём колыхалась. Она остановилась рядом и посмотрела на мои стопки бланков.

— Неплохо, — сказала она. — 150 штук за час. Продолжай в том же духе — и, возможно, я не отправлю тебя в утилизатор сегодня.

— Спасибо, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал почтительно.

— Но, — мадам Склиззи наклонилась, и её отваливающаяся щека едва не коснулась моего лица, — один неверный шаг — и ты кирпич, деточка. Кирпич с узорами.

Она развернулась и ушла.

Я выдохнула. В груди колотилось сердце. Я поняла, что

боюсь её. Не потому, что она разлагалась и от неё пахло кладбищем, а потому, что она была начальницей. А начальники всегда пугают, даже если они живые.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Гнуссик. — Мадам Склиззи добрая. Просто суровая.

— Если она добрая, то почему ты боишься даже чихнуть в её присутствии?

— Потому что однажды я чихнул, и у меня отлетела голова. Она попала в её суп.

— Ужас.

— Да, суп пришлось вылить.

Я снова взялась за бланки. Второй час подходил к концу. Я сделала уже 270 штук. Оставалось 30. Это было проще, чем я думала. В банке у меня была специальная методика: сначала заполняешь все повторяющиеся поля, потом индивидуальные. Я применила её и здесь.

Морт стоял в стороне и тихонько напевал что-то под нос. Его песня была про девушку-призрака с зелёными глазами. Я сделала вид, что не слышу.

— Морт, — позвал Гнуссик. — Помоги лучше. Принеси новые чернила.

— А где они?

— В шкафу. Только не открывай тот, на котором написано «Осторожно, дракон».

— А что в том, на котором написано «Осторожно, дракон»?

— Не помню. Я давно его не открывал.

Морт ушёл, и через минуту я услышала грохот и чей-то испуганный вопль.

— Всё в порядке? — крикнула я.

— Да! — донёсся голос Морта. — Просто шкаф упал!

— На кого?

— На меня!

Я вздохнула и продолжила заполнять.

Последний бланк. 300-й. Я поставила подпись и откинулась на спинку катафалка.

— Готово, — сказала я.

Гнуссик посмотрел на часы. Стрелки показывали, что прошло два часа пятьдесят минут.

— Вы сделали это! — воскликнул он. — Вы молодец!

— Просто опыт, — ответила я, хотя внутри меня распирала гордость.

В этот момент мадам Склиззи снова подошла ко мне. Она взяла стопку бланков и начала просматривать их. Её глаза — мутные, с красными прожилками — пробежали по строчкам.

— Хм, — сказала она. — Ни одной ошибки. Ни одной кляксы. Даже почерк разборчивый.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодари, — отрезала начальница. — Это твоя работа. А теперь — обед. У тебя есть 15 минут. Потом новое задание.

— Какое? — спросила я.

— Увидишь, — мадам Склиззи зловеще улыбнулась, и часть её лица отвалилась. — Гнуссик, покажи ей столовую.

Она ушла, а я встала. Ноги затекли, спина болела. Я чувствовала себя так, будто только что пробежала марафон, но без финишной ленточки.

— Столовая здесь недалеко, — сказал Гнуссик, ведя меня к выходу из офиса. — Только сначала предупрежу: еда странная.

— Насколько странная? — спросила я, вспоминая свой борщ.

— Например, суп из крапивы с добавлением призрачных грибов. Или котлеты из того, что осталось от зомби-коров.

— А вегетарианское есть?

— Есть. Салат из червей. Но черви живые, так что если не хотите, чтобы они выползли из тарелки, лучше заказывать что-то другое.

Я решила, что лучше не есть вообще. Но живот заурчал, и я поняла, что 15 минут голодания не решат проблему.

Мы вышли в коридор. Черепа проводили нас злобным щёлканьем. Я шла, размышляя о том, как мне выбраться из этого безумного мира. Но в голову лезли только мысли о бланках и о том, что мадам Склиззи, кажется, мной недовольна, хотя я сделала всё идеально.

— Гнуссик, — спросила я. — А что будет после обеда?

— Не знаю, — ответил эльф. — Но, судя по тому, что сказала мадам, что-то сложное. Может, вас пошлют на выезд.

— На выезд? Куда?

— Например, к полтергейсту. Или к скелетам, которые не хотят лежать в гробах. Или к привидению, которое застряло в туалете.

— В туалете?

— Да, у нас был случай. Привидение засосало в унитаз, и оно никак не могло выбраться. Пришлось вызывать водопроводчика-некроманта.

Я не знала, смеяться или плакать.

Мы дошли до столовой — небольшой комнаты, где вместо столов стояли гробы. В углу дымилась огромная кастрюля. Из неё торчала поварёшка, которой ворочал скелет в фартуке.

— Чего изволите? — спросил скелет скрипучим голосом.

— Что есть? — спросила я.

— Похлёбка вонючая, похлёбка с червями, похлёбка с костями и похлёбка без всего.

— А что-нибудь нормальное?

— Есть сухари. Но они 100-летней давности. Ещё можно попросить чай, но он с галлюцинациями.

Я вздохнула.

— Дайте похлёбку вонючую. Самую маленькую порцию.

Скелет зачерпнул поварёшкой, и в миску плюхнулось нечто серое, пузырящееся и пахнущее так, что у меня застелились глаза.

— Приятного аппетита, — сказал скелет.

Я взяла ложку. Подумала о борще. О картошечке, о свежей сметане. И поняла, что сейчас заплачу.

— Не надо, — сказал Гнуссик, заметив моё лицо. — Вы привыкнете.

— Я не хочу привыкать, — ответила я. — Я хочу домой.

Я положила ложку и отодвинула миску. Аппетит пропал.

— Ладно, — сказала я. — Пойдёмте обратно. Буду ждать новое задание.

Мы вернулись в офис. Морт уже сидел за своим столом и что-то писал в блокноте. Увидев меня, он покраснел зелёным и спрятал блокнот.

— Что это? — спросила я.

— Стихи, — признался он. — Я пишу поэму о... о призраках.

— Прочитаешь когда-нибудь?

— Может быть. Если вы пообещаете не смеяться.

— Я не смеюсь, — сказала я. — У меня сегодня нет поводов для смеха.

Мадам Склиззи вызвала меня к своему столу. Я подошла, стараясь держаться прямо.

— Слушай, Клюева, — сказала она, перебирая бумаги. — Ты справилась с бланками быстрее, чем кто-либо за последние 50 лет. Это впечатляет.

— Спасибо, — ответила я.

— Но это не значит, что ты умница. Это значит, что мы будем давать тебе больше работы. А пока — вот твоё следу-

ющее задание.

Она протянула мне жёлтый конверт, запечатанный воском с оттиском черепа.

— Что это? — спросила я.

— Вызов. В прачечную подземную. Там завёлся полтергейст. Горничная, умершая в 1903 году от скуки. Она буйнит: швыряется простынями, крутит стиральные машины, пугает клиентов. Твоя задача — успокоить её. С Гнуссиком. Морт остаётся здесь, потому что он всё испортит.

— Но я хотел помочь! — воскликнул некромант.

— Ты сможешь, если будешь сидеть тихо и не взрывать ничего, — отрезала мадам Склиззи.

Я взяла конверт. На нём был написан адрес: «Прачечная "Чистая смерть", уровень -7, поворот у второго люка».

— Когда выезжать? — спросила я.

— Прямо сейчас, — ответила начальница. — Гнуссик покажет дорогу. И запомни: если полтергейст не успокоится — вызывай подкрепление. А если подкрепление не поможет — беги. Живые сотрудники на вес золота. Точнее, на вес засохших слезей.

Я кивнула. Гнуссик уже стоял у двери, подпрыгивая на одной ноге (вторую он так и не нашёл).

— Идёмте? — спросил он.

— Идём, — сказала я.

Мы вышли из офиса. Коридор был тёмным, и только летающие черепа освещали путь. Я сжимала в руке конверт и

думала о том, что моя жизнь превратилась в безумный квест. Или в страшный сон. Или в книгу, которую кто-то пишет, посмеиваясь надо мной.

— Гнуссик, — спросила я, когда мы спускались по лестнице, вырубленной в камне. — А почему вы все такие... нелепые?

— Потому что мы мертвы, — ответил эльф. — У нас нет причин быть серьёзными. Мы уже всё потеряли. Осталось только чувство юмора. И бюрократия.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, — Гнуссик остановился и посмотрел на меня. — Мы боимся. Боимся, что нас забудут. Боимся, что наши формуляры потеряются. Боимся, что мы никогда не переродимся. И чтобы не сойти с ума от страха, мы шутим. Даже когда шутки несмешные.

Я посмотрела на него — на гниющего эльфа с отваливающейся ступнёй, в драных штанах и с вечной улыбкой на лице. И мне стало его жаль.

— Я помогу вам, — сказала я. — Обещаю.

— Поможете? — его глаза загорелись. — Вернуть нас к жизни?

— Нет. Навести порядок в документах. А это, поверьте, иногда важнее жизни.

Гнуссик засмеялся. Из его рта вылетела муха.

— Вы странная, Вера, — сказал он. — Но мне это нравится.

Мы спустились на уровень -7. Здесь пахло сыростью, хлоркой и отчаянием. В конце коридора светилась вывеска: «Прачечная "Чистая смерть"». Из-за двери доносился грохот и женский плач.

— Ну, — сказала я, поправляя очки. — Поработаем.

И открыла дверь.

Внутри было темно. Я сделала шаг, и в меня прилетела мокрая простыня.

Глава 2: Первый выезд, или Полтергейст, который просто хотел обнять

Мокрая простыня приземлилась мне на лицо с такой силой, что я отшатнулась и чуть не упала. Она пахла хлоркой, сыростью и чем-то сладковато-гнилым — как если бы в стиральной машине забыли чьи-то останки на месяц. Я стянула ткань с головы и попыталась понять, куда мы попали.

Прачечная «Чистая смерть» оказалась огромным подземельем, стены которого были выложены ржавыми стиральными машинами. Они стояли в несколько рядов, напоминая армию безмолвных роботов. Некоторые из них работали — барабаны вращались, выпуская клубы пара, другие мерно гудели, а третьи издавали такие звуки, будто внутри них кто-то умирал второй раз. Вместо окон — узкие щели под потолком, через которые сочился тусклый свет Гнойника. Пол был залит водой с мыльной пеной, и мои кроссовки противно хлюпали при каждом шаге.

В углу, у стены, возвышалась гора носков. Не просто куча — настоящий курган. Они шевелились, перекатывались друг через друга, и временами из неё доносился тихий плач. Гнуссик, ковыляя за мной, кивнул в сторону этой горы.

— Это жертвы сушилки, — прошептал он. — Они всегда

теряются парами. Теперь обречены вечно искать друг друга.

— Трогательно, — ответила я, выжимая простыню. — Где полтергейст?

Ответ пришёл незамедлительно. Из-за одной из стиральных машин вылетело ведро с тряпками и, описав дугу, приземлилось прямо перед нами, разбрызгивая грязную воду. Гнуссик взвизгнул (звук был похож на скрип несмазанной телеги) и попытался укрыться за моей спиной.

— Вы заслоняете меня? — спросила я.

— Вы живая, у вас регенерация! — выпалил он. — А я уже однажды размок в прачечной, потом три недели из меня вода капала.

— Нет у меня никакой регенерации. Я бухгалтер, а не ящерица.

Вторая простыня прилетела уже в него. Она накрыла эльфа с головой, и он заметался, натываясь на стиральные машины.

— Я ничего не вижу! — кричал он. — Моё лицо промокло! Мой нос отвалился!

— У тебя нос уже три раза отваливался сегодня, — сказала я, хватая его за руку. — Стой смирно.

Я стянула простыню с Гнуссика. Вместе с ней отклеился и его нос — маленький гниющий кусочек хряща, который шлёпнулся в лужу. Эльф горестно посмотрел на него, но лезть в воду не стал.

— Теперь я вообще без носа, — проныл он. — Как я буду

нюхать обед?

— Поверь, твои проблемы с носом — это меньшая из наших проблем.

Из глубины прачечной раздался женский плач. Он был громким, надрывным и сопровождался стуком стиральных машин, которые начинали открывать и закрывать крышки с бешеной скоростью. Я сделала шаг вперёд, стараясь не поскользнуться на мыльном полу.

— Выходите! — крикнула я в темноту. — Мы из Некроотдела! У нас есть к вам вопросы!

Плач стих. Наступила тишина — такая густая, что я слышала, как стучит моё сердце. А потом из-за самой дальней машины показалась фигура.

Я ожидала увидеть классического полтергейста — летающую простыню с дырами для глаз, или скелет в фартуке, или хотя бы привидение с цепями. Но передо мной стояла девушка. Ну, как девушка — она была полупрозрачной, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами и в униформе горничной начала XX века. На груди у неё болтался бейдж с именем «Эмили, 3-й разряд». Её лицо было бледным, под глазами залегли синие круги, а в руках она сжимала швабру.

— Вы из налоговой? — спросила она дрожащим голосом.

— Мы из отдела по работе с неуспокоенными душами, — ответила я максимально спокойно. — Меня зовут Вера. Это мой коллега — Гнуссик.

— Здравствуйте, — пискнул эльф, махнув рукой. Рука отлете-

ла и плюхнулась в ведро. — Ой.

Девушка-призрак — Эмили — посмотрела на оторванную руку, потом на Гнуссика, потом на меня.

— Вы тоже мертвы? — спросила она.

— Нет, я живая, — призналась я. — Но это временно. Мы здесь, чтобы разобраться с жалобами. На вас жалуются, что вы буяните.

— Я не буяню! — Эмили топнула ногой (звук был глухим, как удар по железу). — Я просто пытаюсь навести порядок! А эти... эти клиенты... они бросают носки куда попало, не отжимают бельё и путают порошок с кондиционером! Я двести лет работаю в этой прачечной, а меня никто не ценит!

Она всхлипнула, и из её глаз покатались кровавые слезы. Они падали на пол и шипели, оставляя маленькие дымящиеся ямки.

— Двести лет? — переспросила я. — Вы умерли в 1903 году?

— Да, от скуки, — кивнула Эмили. — Я работала горничной в богатом доме. У меня не было ни одного выходного за сорок лет. А потом я просто... выключилась. И оказалась здесь. И знаете что? Здесь я снова работаю в прачечной! Карма, да?

Я почувствовала укол жалости. Но жалость была непродуктивной — я знала это по работе в банке. Жалость не закрывает просроченные кредиты.

— Эмили, — сказала я твёрдо. — Вы не можете швырять-

ся простынями и тряпками в клиентов. Это нарушает пункт 14 «Правил поведения неуспокоенных в местах общего пользования». Я вынуждена составить на вас протокол.

— Протокол? — призрак перестал плакать и уставился на меня с недоумением. — Вы хотите меня оштрафовать?

— Если не прекратите — да. Штраф — 200 засохших слизей. Или альтернатива — уборка территории вечность. Ваш выбор.

Гнуссик смотрел на меня с восхищением.

— Вы настоящий монстр, — прошептал он. — В хорошем смысле.

— Молчи, — сказала я, не оборачиваясь.

Эмили опустила швабру. Её плечи поникли, и она села прямо в лужу, не заботясь о том, что её юбка стала ещё мокрее.

— Вы не понимаете, — прошептала она. — Мне просто... одиноко. Я здесь одна. Все клиенты — души, которые проходят транзитом. Они стирают свои саваны, свои костюмы для перерождения и уходят. А я остаюсь. Сто лет. Двести лет. Я даже забыла, как пахнет свежий хлеб.

— Пахнет примерно как наши сухари, — вставил Гнуссик. — Только без плесени.

Я шикнула на него и присела на корточки напротив призрака.

— Эмили, — сказала я. — А что бы вы хотели делать вместо работы в прачечной?

Она подняла на меня покрасневшие глаза.

— Я хотела бы... — она запнулась, — я хотела бы быть полезной. Но не здесь. Может быть, в офисе? Я умею печатать на машинке. И складывать бумаги. Я даже могу готовить чай. Правда, он будет с кровью, но это у всех призраков так.

Гнуссик толкнул меня локтём.

— В Некро-отделе как раз секретарша нужна, — сказал он. — Прежняя ушла в мир иной. В смысле — в другой мир иной. Её переродили.

— Секретарша? — Эмили оживилась. — Вы серьёзно?

Я вздохнула. Мадам Склиззи убьёт меня. Вторая мысль: она и так грозила меня убить, так что хуже не будет.

— Серьёзно, — сказала я. — Но сначала — подписать трудовой договор. И никаких полтергейстов в офисе. Никаких швыряний швабр. И вы должны каждый день мыть полы. Вас это устроит?

— Да! — Эмили вскочила. Её юбка перестала капать, и она даже перестала светиться красным. — Да, конечно! Я согласна!

— Тогда идёмте, — я протянула руку. Призрак попыталась взять её, но её пальцы прошли сквозь мои. — Ладно, просто идите за нами.

Мы двинулись к выходу. Гнуссик шёл сзади, подбирая свою оторванную руку из ведра.

— Вы гений, — сказал он мне на ухо. — Вы не успокоили полтергейст — вы его трудоустроили. Это же... это же гени-

ально!

— Это называется «компромисс», — ответила я. — В банке мы часто так делали с недовольными клиентами. Только вместо работы предлагали скидку на обслуживание.

Эмили шла за нами, тихонько напевая старую песенку про лунный свет. Её голос звучал приятно, хотя и с лёгким металлическим оттенком.

Когда мы вышли из прачечной, я остановилась.

— Эмили, — спросила я. — А вы случайно не знаете, почему ваши стиральные машины гудели в ритме? Я заметила — они как будто повторяли одну и ту же последовательность.

Призрак замялась.

— Это... это секрет, — прошептала она. — Но вы помогли мне, и я вам скажу. В подвале под прачечной есть старый эктопарогенератор. Он работает на вздохах умерших. Но недавно кто-то начал подключать к нему дополнительные трубы. Теперь генератор гудит в неправильном ритме. Если так пойдёт дальше, он взорвётся и уничтожит полгорода.

Я переглянулась с Гнуссиком.

— Кто-то — это кто? — спросила я.

— Не знаю, — Эмили пожала плечами. — Я видела тени. Они приходят ночью, когда прачечная закрыта. Их ведёт мужчина в костюме. Он пахнет деньгами.

— Мужчина в костюме, — повторила я, и внутри меня похолодело. — Антон.

— Кто? — спросил Гнуссик.

— Мой бывший коллега из банка. Если он здесь — значит, «МортИнвест» добрался и до прачечных.

Я заставила себя выдохнуть и успокоиться. Сначала — доставить Эмили в отдел. Потом — разобраться с генератором.

— Гнуссик, — сказала я. — Бери Эмили и веди в офис. Я сейчас подойду.

— А вы куда?

— Хочу посмотреть на этот генератор.

— Одна? — эльф забеспокоился. — Это опасно!

— Я живая, — усмехнулась я. — У меня регенерация, помнишь?

Он понял, что спорить бесполезно, и кивнул.

— Будьте осторожны, — сказал он. — И вернитесь к обеду. А то мадам Склиззи отправит меня в утилизатор вместо вас.

Эмили махнула мне рукой и поплыла за Гнуссиком. Я осталась одна в коридоре, освещённом летающими черепаками. Один из них злобно щёлкнул зубами, но я сделала вид, что не заметила.

Спуск в подвал оказался недолгим. Лестница вела вниз, ступени были скользкими от какой-то слизи, а стены покрыты иероглифами, которые светились красным. Я старалась не прикасаться к ним — в банке меня научили, что с неизвестными символами лучше не связываться.

Подвал был круглым, с высоким потолком, который терялся в темноте. В центре стоял эктопарогенератор —

огромная машина из латуни и стекла, напоминающая гибрид паровоза и органа. Из неё торчали трубы, по которым пульсировал зелёный свет. Внутри, в прозрачной камере, крутились тысячи маленьких огоньков — я поняла, что это вздохи умерших. Каждый вздох был крошечной душой, которая отдавала энергию генератору.

И к генератору были подключены дополнительные трубы. Они тянулись из стены, из какой-то невидимой дыры, и на них были надеты счётчики. Те самые счётчики, которые я видела в банке — серые, квадратные, с маленькими зелёными экранами.

— Ну конечно, — прошептала я. — «МортИнвест» ворует энергию у генератора.

Я подошла поближе, стараясь не наступить на ржавые детали, валявшиеся на полу. Счётчики показывали, что энергия уходит куда-то в другое место — вероятно, в их теневой офис. Они подключались к генератору ночью, когда никого нет, и высасывали из него силу.

— А вы кто? — раздался голос.

Я обернулась. Из тени выступил скелет. Не такой, как Склизз — этот был огромным, с металлическими вставками в рёбрах и с выбитой половиной черепа. Вместо глаза у него горел красный фонарик.

— Я из Некро-отдела, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Проверка генератора.

— Проверка? — скелет наклонил голову, и его фона-

рик-глаз моргнул. — Но проверку назначают по вторникам. Сегодня среда.

— Внеплановая проверка, — парировала я. — После жалоб на шум.

Скелет задумался. Его челюсть отвисла, и оттуда выпал ржавый болт.

— Жалобы... — протянул он. — На шум?

— Да. Соседи жалуются. Души из соседних склепов не могут спать.

— Души не спят, — возразил скелет. — Они уже мертвы.

— Они медитируют, — нашлась я. — И шум им мешает.

Скелет явно не знал, что делать. Он потоптался на месте, скрипя костями, и наконец сказал:

— Ладно. Проверяйте. Но быстро. Мне велели никого не пускать.

— Кто велел?

— Начальник. Человек в костюме.

— Антон? — спросила я.

Скелет пожал плечами (одно плечо отвалилось, и он прикрутил его обратно).

— Не знаю имени. Он платит засохшими слезями. А мне нужно на новые бинты.

Я кивнула и сделала вид, что проверяю трубы. На самом деле я запоминала, куда идут счётчики, как они подключены, и какие показатели на экранах. Когда я вернусь в офис, я составлю отчёт. А потом... потом найду способ отключить

эту воровскую схему.

— Всё в порядке? — спросил скелет через минуту.

— Да, — сказала я. — Шум, вероятно, от старых клапанов. Я напишу заключение. Ничего страшного.

— Слава Гнойнику, — выдохнул охранник. — А то я думал, уволят.

Я пошла к выходу. Но на лестнице остановилась. Меня трясло. Не от страха — от злости. «МортИнвест» воровал энергию у мёртвых, у тех самых душ, которые ждали перерождения 300 лет. Они подключались к генератору и высасывали последнее.

— Я тебя достану, Антон, — прошептала я. — Клянусь своим дыроколом.

Я поднялась наверх и направилась в офис. Черепа в коридоре провожали меня любопытными взглядами, но я не обращала на них внимания.

В Некро-отделе было шумно. Эмили, новоиспечённая секретарша, уже сидела за столом и печатала на машинке, которая стояла в углу. Гнуссик помогал ей разбирать бумаги. Морт сидел на своём месте и писал стихи, время от времени поглядывая на меня влюблёнными глазами.

Мадам Склиззи подозвала меня к себе.

— Ключева, — сказала она, когда я подошла. — Что за дух ты притащила?

— Это наша новая секретарша, — ответила я. — Эмили. Она умеет печатать и мыть полы. И она не будет швыряться

простынями.

— Я сама решаю, кого брать на работу, — отрезала начальница. — Но... — она посмотрела на Эмили, которая как раз закончила перепечатывать стопку бланков, — но она действительно быстро работает. Ладно, оставляем. Но если она начнёт буйнить, ты за неё ответишь.

— Она не начнёт, — пообещала я.

— А теперь — докладывай, что ты нашла в прачечной.

Я рассказала про эктопарогенератор, про дополнительные трубы и про счётчики. Я рассказала про скелета-охранника и про мужчину в костюме. Мадам Склиззи слушала, и её лицо темнело с каждым словом. Точнее, темнела та часть лица, которая ещё не отвалилась.

— «МортИнвест»? — переспросила она, когда я закончила. — Ты уверена?

— У меня нет прямых доказательств, — призналась я. — Но кто ещё может подключать банковские счётчики к эктопарогенератору?

Мадам Склиззи постучала пальцами по столу. Её ногти были длинными и жёлтыми, как старая слоновая кость.

— Это серьёзно, Клюева. Если они воруют энергию у генератора, то город может остаться без света. А без света — нет магии. А без магии — все мы рассыплемся в прах.

— Даже я? — спросила я.

— Ты — живая. Ты не рассыплешься. Но тебя сожрут призрачные крысы, которые вылезут из темноты. Так что для те-

бя это тоже плохо.

— Поняла, — сказала я. — Что будем делать?

— Сначала — оформить все документы на Эмили. Потом — разобраться с генератором. Но не сегодня. Сегодня у нас ещё одно задание.

— Какое? — я почувствовала, как усталость наваливается на плечи.

— Гнуссик уже третий день заполняет «Заявление о починке ребра». И, кажется, делает это неправильно.

Я повернулась к эльфу. Он сидел за своим столом и что-то старательно выводил в бланке, высунув язык от усердия.

— Гнуссик, — позвала я. — Дай посмотреть.

Он подбежал ко мне и протянул лист. Я взяла его и начала читать. Бланк назывался «Заявление о починке ребра (для сотрудников Некро-отдела)». В нём было 15 пунктов. Гнуссик заполнил их все, но...

— Гнуссик, — сказала я медленно. — Ты поставил дату рождения 147 лет назад?

— Да, это мой день смерти, — кивнул он.

— А в пункте «степень повреждения» ты написал «почти отвалилось»?

— Ну да. Оно почти отвалилось.

— А в пункте «цвет ребра» ты написал «грязно-белый»?

— А какой ещё?

Я вздохнула и провела рукой по лицу.

— Гнуссик, — сказала я. — Если ты отправишь этот фор-

муляр в таком виде, он взорвётся.

— Взорвётся? — эльф побледнел (насколько может побледнеть гниющий эльф). — Почему?

— Потому что магические бланки требуют точных формулировок. «Почти отвалилось» — это не медицинский термин. Нужно писать «степень отсоединения более 50%, требуется немедленная фиксация».

— А откуда вы знаете?

— Я читала «Памятку сотрудника». 1200 страниц. За два часа. Пока ты пытался приклеить себе нос.

Гнуссик посмотрел на меня с уважением.

— Вы... вы прочитали всю памятку?

— Я закончила её, когда вы ходили в столовую, — сказала я. — Там много полезного. Например, пункт 42 гласит, что любой формуляр должен быть заполнен по шаблону, иначе он активирует магическую обратную связь. То есть — бабах.

— Бабах — это плохо, — заметил Морт, подошедший к нам.

— Очень плохо, — согласилась я. — Гнуссик, садись, я тебе продиктую, как правильно.

Я взяла чистый бланк и начала диктовать:

— Пункт первый: дата заполнения — сегодняшнее число. Пункт второй: фамилия, имя, отчество — Гнуссик Гнуссердный. Пункт третий: возраст — 147 лет (считая с момента смерти). Пункт четвёртый: должность — младший инспектор по работе с неуспокоенными душами. Пункт пятый:

повреждённое ребро — третье слева. Пункт шестой: степень повреждения — 60% отсоединения. Пункт седьмой: цвет — желтовато-белый. Пункт восьмой...

Я продолжала, и Гнуссик старательно записывал. Его рука дрожала, а карандаш ломался, но он справлялся. Морт стоял рядом и подсказывал, когда эльф забывал поставить запятую.

Через полчаса формуляр был готов.

— Теперь подпиши, — сказала я.

Гнуссик поставил крестик. Бланк не задымился, не загорелся и не взорвался. Он просто лёг на стол, как обычная бумага.

— Сработало! — эльф чуть не заплакал от счастья. — Вы спасли меня!

— Я просто делаю свою работу, — ответила я, хотя внутри мне было приятно.

Мадам Склиззи взяла бланк, проверила его и кивнула.

— Молодец, Ключева, — сказала она. — Ты первая, кто смог заставить Гнуссика заполнить формуляр без ошибок.

— Он способный, просто невнимательный, — сказала я. — Если давать ему чёткие инструкции, он справится.

— Возможно, — начальница посмотрела на часы. — Обед у тебя был? — спросила она.

— Был, — соврала я, вспоминая отвратительную похлёбку.

— Тогда за работу. У нас ещё два вызова сегодня. Один

— к скелетам, которые не хотят лежать в гробах, второй — к привидению, которое застряло в унитазе. Ты и Гнуссик справитесь. Морт, если ещё раз чихнёшь в сторону бланков — вылечу.

— А можно я с Верой? — жалобно спросил некромант.

— Нет, — отрезали мы с начальницей хором.

Морт обиженно надул губы и уткнулся в свой блокнот.

Я взяла конверт со вторым заданием. Внутри лежал жёлтый бланк с адресом: «Кладбище забытых надежд, сектор 7, могила № 349».

— Гнуссик, — сказала я. — Мы идём к скелетам.

— К каким именно?

— К тем, которые не хотят лежать в гробах.

— А, это Джонатан, — кивнул эльф. — Он уже триста лет встаёт из гроба каждую ночь. Но не потому, что злой, а потому что у него гроб скрипит. Он боится разбудить соседей.

— И поэтому он не хочет лежать?

— Он хочет лежать, но не может. Скрип мешает.

Я вздохнула. Ещё один абсурд.

— Пошли, — сказала я.

Мы вышли из офиса. На пороге нас догнала Эмили.

— Вера, — позвала она. — Спасибо вам за работу. Я буду стараться.

— Я знаю, — ответила я. — И ещё: в прачечной не появляйся. Пусть там работает кто-нибудь другой. С тобой всё в порядке.

— Спасибо, — прошептала она и растворилась в воздухе, оставив после себя запах лаванды и хлорки.

Мы с Гнуссиком пошли по коридору. Летающие черепа, которые раньше на меня шипели, теперь вежливо уступали дорогу.

— Вы заметили? — спросил эльф. — Они вас зауважали.

— Черепа?

— Да. Они чувствуют силу. Вы заполнили 300 бланков, успокоили полтергейста, починили формуляр. Для них вы — герой.

— Я просто делаю свою работу, — повторила я.

— Вы всегда так говорите.

— Потому что это правда.

Мы спустились на лифте — вернее, на платформе, которую таскали вверх-вниз два скелета на верёвках. Лифт скрипел, качался, но выдержал.

Кладбище забытых надежд находилось на уровне -13. Здесь было темно, холодно и сыро. Вместо неба — низкий потолок, с которого капала вода. Вместо травы — серая плесень, хрустевшая под ногами.

Могила № 349 оказалась в конце аллеи. Надгробье было старым, покосившимся, с надписью: «Здесь лежит Джонатан. Он не спит, потому что гроб скрипит».

— Креативно, — заметила я.

Гнуссик постучал по крышке гроба.

— Джонатан! — позвал он. — Выходи, к тебе из Некро-

отдела!

Гроб заскрипел. Крышка приподнялась, и изнутри показался скелет. Он был одет в пижаму с рисунком из костей (довольно иронично) и держал в руках подушку.

— Опять? — спросил он сонным голосом. — Я же говорил, не надо меня тревожить. Я сам разберусь.

— Ты уже триста лет разбираешься, — сказал Гнуссик. — Новая сотрудница пришла.

Скелет посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.